

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПАРОДИЯ

И. С. ТУРГЕНЕВА «НЕЧТО, ИЛИ ЧЕМОДАН»

В августе 1840 года в письме 22-х летнего И. Тургенева к друзьям М. Бакунину и А. Ефремову содержится одна из самых ранних его литературных пародий с оригинальным названием «Нечто, или Чемодан», исполненная в форме дружески-шутливой драматической сценки. То, что это миниатюрное произведение имеет пародийный характер справедливо отмечено в комментарии к академическому собранию сочинений и писем И. С. Тургенева [3, т. 1, с. 621], и данная точка зрения полностью нами разделяется. Предпримем попытку провести целостный анализ пьесы (позволим себе ее так называть, несмотря на небольшой размер) с точки зрения ее принадлежности к жанру литературной пародии и рассмотрим специфические художественные средства и приемы, задействованные автором для создания пародийного эффекта.

В письме Тургенев объясняет друзьям, что причина появления пьесы – непреодолимое желание «острить и тешиться» (так свойственное задорной юности). И это желание будущий всемирно известный гений слова осуществляет путем пародийной переработки христианской легенды о святом Петре, стоящем на входе в рай и сторожащем его от грешников. Следует отметить, что Тургенев не посягает на сакральный смысл самой легенды, объектом его внимания становятся многочисленные ее обработки, присутствующие в европейской литературе начала XIX века.

Чтобы ощутить пародийный характер пьесы и выяснить способы создания в ней комического эффекта, безусловно, необходимо кратко ознакомиться с содержанием произведения. Когда у ворот рая появляются два друга – Тургенев и Бакунин, они появляются с «большим, довольно длинным чемоданом», пытаются тайком пронести в рай третьего друга – грешника Ефремова. Святой Петр оказывается в замешательстве от возникшей ситуации, и, пользуясь этим обстоятельством, приятели осуществляют задуманное.

Начало пьесы – своеобразная ремарка, используемая автором для введения читателя в действие. Уже она представляет собой явное сопоставление несопоставимого, что, по сути, и является основой воздания комического эффекта. «Сцена в небе. Ворота рая. Привратник, св(ятой) Пётр, спит. (Входят Бакунин и Тургенев и несут большой, довольно длинный чемодан)» [3, т. 1, с. 441]. В этих двух строках ремарки уже прослеживаются три элемента, способные придать комизм происходящему. Во-первых, сама формулировка «сцена в небе» парадоксальна своей несопоставимостью с

театральным действием; во-вторых, святой Петр, призванный охранять райские врата, также парадоксально оказывается спящим, как обычный человек во время рутинной работы. И, в-третьих, совершенно несопоставимо с сакральной тематикой – оказаться у ворот рая с чемоданом.

Существует несколько возможных источников «второго плана» пьесы, без наличия и, что очень важно, узнавания которого потенциальной аудиторией невозможно создание пародии. Рассмотрим основания для подобных предположений.

В 1829 году Проспером Мери́ме была написана новелла-сказка «Федерико» [2]. Сопоставление «Федерико» и «Нечто, или Чемодан» позволяет сделать вывод об их явной взаимосвязи. У Тургенева друзья, воспользовавшись ситуацией, вместе с чемоданом (и Ефремовым в нем) и сами проникают в рай. Грешнику Федерико, уговорив Петра и Христа, удается попасть в рай вместе с двенадцатью братьями-разбойниками. Их он прячет в мешке. Налицо очевидное сходство общего содержания и отдельных элементов двух произведений.

Наличие некоторого утрирования, смещения является необходимым условием возникновения пародии. Проследим, как Тургенев добивается создания пародийного эффекта. В «Федерико» святой Петр изображается в традиционном ключе. Он пытается наставить Федерико на путь истинный и обеспокоен спасением его души. Он благороден и справедлив – готов сменить гнев на милость и пропустить грешника в рай, когда Федерико напоминает о помощи, которую он оказал Петру и Христу. У Тургенева Петр совсем другой. Автор весьма прозрачно намекает на его определенную слабость, упоминая «красный нос» Петра. Кроме того, святой начинает выпрашивать у друзей чемодан для создания себе комфортных условий: «Друзья мои, будьте благодетелями. Подарите мне ваш чемоданчик: судите сами – сидишь, сидишь у дверей на ступеньке... с вашего позволения неприятно. Потешьте старика!» [3, т. 1, с. 442].

Более того, в финале пьесы Тургенев окончательно лишает образ Петра хоть какой-то степени святости, предельно заземляя его. Когда Пётр садится на чемодан, находящийся там Ефремыч (как друзья называли Ефремова), наконец не выдержав тяжести старца, кусает его. «Пётр с визгом вскакивает и, держась одной рукой за некоторую часть тела, отбегаёт и с испугом оглядывается. Из чемодана торчит красная, всклокоченная голова Ефремыча и щёлкает зубами. Бакунин и Тургенев проворно подхватывают чемодан и вбегают в царство небесное... Слышен голос Петра: «Контрабанда! Контрабанда!»» [3, т. 1, с. 442].

Что касается языка святого Петра в сопоставляемых произведениях, то очевидно, что разница на грани фарса. У Мери́ме Петр говорит нейтральным языком, не дающим представления об оценке автором персонажа:

«— Кто ты такой? – спросил святой Пётр у Федерико, когда тот оказался у входа в рай.

– Ваш бывший знакомый, – ответил тот, – который когда-то угощал вас плодами своей охоты.

– Как смеешь ты являться сюда в таком виде? – закричал святой Пётр. – Разве ты не знаешь, что небо не для таких, как ты? Гляди-ка! Ты и чистилища недостойн, а лезешь в рай!

– Святой Пётр, – сказал Федерико, – Так ли я вас принимал, когда сто восемьдесят лет тому назад вы со своим божественным учителем просили у меня приюта?» [2, с. 52-53].

Тургеневский Петр говорит прозаизмами, концеляризмами и просторечными словами:

«П. Перестань болтать, дружок: приучайся уважать старших. (Отворяет дверь.) Ну, входите, что ли? (Увидя чемодан.) Это что у вас?

Б. Чемодан.

П. Вижу, что чемодан. Да на что?

Б. Как на что? Тут наши платья...

П. Вздор! У нас вы на казенном иждивении.

Т. Старое белье. (Чемодан шевелится с негодованием.)

Б. Книжки... В скучный час не худо.

П. В скучный час... То-то ваша братия, молокососы... В скучный час! Отчего ж я не скучаю? И бога-то я не вижу, всё сижу у дверей да люблюсь на грешные рожи... Вздор! Вы плутуете. Откройте чемодан. (Чемодан от страха сжимается).» [3, т. 1, с. 441].

Следует отметить, что одним из возможных вариантов «второго плана» пьесы «Нечто, или Чемодан» могла также послужить сатирическая поэма Джорджа Гордона Байрона «Видение суда» (1822). Обратимся к предыстории ее создания и собственно сюжету для проведения сравнительного анализа с произведением И. С. Тургенева. Толчком для написания поэмы Байроном стала публикация годом ранее поэтом Робертом Саути поэмы с аналогичным названием. Она явственно выражала верноподданические идеи и была написана на смерть английского короля Генриха III [1]. Известно, что в ранние годы Саути был приверженцем идей французской революции, но позднее отрекся от республиканских взглядов и стал сторонником реакционизма. Следуя своим новым политическим убеждениям, в поэме Саути осыпал ласкью усопшего монарха, предавая грубой критике деятелей французской революции, и, кроме того, осуществлял клеветнические выпады против самого Байрона и Перси Биши Шелли. Сатирическая поэма Байрона пропитана антимонархическими настроениями, и основным объектом высмеивания здесь является усопший король. По сюжету поэмы, Апостол Пётр вынужденно дремлет у ворот рая, которые не открывались с яacobинской поры. Задействованными в этот период оказывались только ворота ада, пропускавшие большое количество грешников. Многолетнюю дремоту Петра нарушает херувим с известием о смерти короля Георга III. Следует картина суда над монархом. Во время суда Сатана и Архангел Михаил решают участь покойного короля, попадет его душа в рай или в ад? Силы зла приводят

аргументы в пользу ада, говоря о том, что «В Америке свободу он душил и с Францией не лучше поступил!» и довел свой народ до нищеты и т.д. Свидетели со стороны обвинения – это толпы загубленных королем душ. И гореть бы вечно Георгу в аду, но автор утверждает, что и на небе нет справедливости. При поддержке таких льстецов, как автор «Видения суда» Р. Саути, покойный монарший грешник обязательно «проберется в рай».

Что пародийного, «дискредитирующего» содержание байроновской поэмы обнаруживается в пьесе Тургенева? Во-первых, следует отметить, что само содержание «Нечто, или Чемодан» более сниженное, чем в поэме Байрона, где в рай попадает хоть и грешный, но король. И во-вторых, очевидно, что образ святого Петра и у Байрона, и у Тургенева заземлен, но степень этой «заземленности» в обоих произведениях заметно отличается. В трактовке Байрона Пётр выглядит, конечно, не как апостол, а, скорее, вполне земной человек. Он описывается как «старик угрюмый и сердитый», дремлющий «от безделья» у ворот рая, и он даже робеет перед Сатаной: «...от страха даже пропотел». Но его образ, стараниями автора наделен чертами, вызывающими к нему симпатию. Так, не «имея меча», он сплеча «саданул» ключом французского монарха, который пытался пробраться в рай. И таким же образом Пётр поступил с льстивым автором «Видения суда» Саути. Тургенев же, как уже отмечалось, не оставляет образу Петра никаких шансов на положительную характеристику. И, кроме того, ставит его в совершенно не допустимое для святого положение.

Возникновение пародии «Нечто, или Чемодан» свидетельствует о философском вольнодумстве И.С. Тургенева, ведь писатель неоднократно заявлял о своем «равнодушии» к небу и отсутствию благоговейного отношения к религии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байрон Джордж Гордон. Видение суда / Джордж Гордон Байрон. Сочинения: В 3 т. – М.: Худож. лит., 1974. – Т. 2. – С. 476–502.
2. Мериме Проспер. Федерико / Проспер Мериме. Избранные сочинения: В 2 т. – М.: Гослитиздат, 1956. – Т. 2. – С. 44–53.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. – Письма: В 13 т. (1831 – 1883). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961 – 1969.